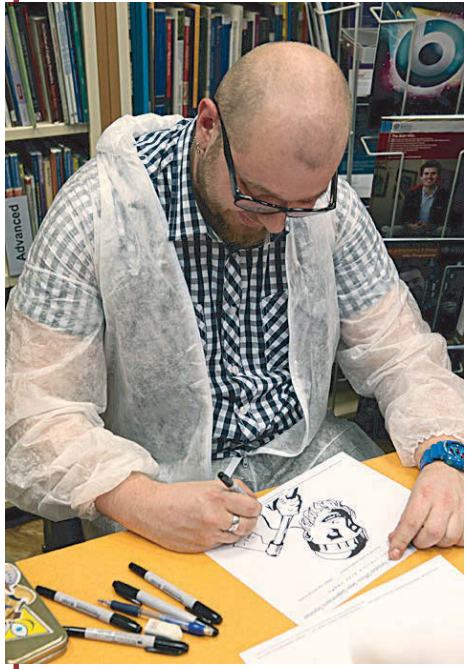

«НОЧЬ МУЗЕЕВ» ГЛАЗАМИ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ВЕЧЁРКИ»

Ретродинозавры и веселые дровосеки

Илья Обухов рисует веселого дровосека.

КАК ВЫЯСНЯЕТСЯ, комиксы любят все. Выясняется это на территории библиотеки «Измайловская» (Измайловский пр., 18), где разместились Библиотека комиксов и Центр британской книги.

Публика сидит в креслах и увлеченно читает не только про Человека-Паука, но и про Малыша Немо — это, оказывается, один из старейших комиксов, нарисованных еще в 1905 году художником Уинзором Маккеем, который называл себя величайшим карикатуристом Америки.

Уинзор Маккей занял еще один зал библиотеки. Тут показывают его черно-белый мультфильм 1914 года про динозавриху Герти — одну из первых анимаций в мире. И вот ведь что удивительно: спустя сто лет Герти не перестает поражать. Да вдобавок под фортепианный аккомпанемент. За клавишами — вокалистка группы «Кубикмагги» Ксения Федорова.

«Свет и цвет» — тема этой «Ночи музеев». Свет идет от кинопроектора. А за цвет в соседнем зале отвечают художники-комиксисты, основавшие здесь «Бюро графического перевода». По-простому это означает, что можно загадать художнику любую фразу: через несколько минут он нарисует на эту тему иллюстрацию.

Я смотрю, как художник Илья Обухов рисует какого-то страшного головореза.

— Что это?

— Это веселый дровосек желает всем счастья.

— А теперь что вас попросили проиллюстрировать?

— Хорошая погода, Петербург, любовь, восход, солнце, розы, карусели, самураи...

— Это сложнее, чем веселый дровосек?

— Нет. Сложно было, когда меня попросили нарисовать круг, который мечтает стать треугольником. Но я и там справился.

Труп-муляж и оптические иллюзии

В ОЕННО-МЕДИЦИНСКОМ музее (Лазаретный пер., 2) выстроилась огромная очередь. И неудивительно: здесь обещаны «оптические иллюзии, новейшие исследования в области офтальмологии и шутки медиков».

Шутки медиков, как заходишь в музей, попадают первым делом. В одном из залов на столе лежит укрытый простыней труп. Приподнимаем простыню — там кровь, кости, мясо... Ужас, в общем. Публика, затанув дыхание, с удовольствием смотрит на кровавую сцену.

Цинично-равнодушный прожектор в залпанном кровью халате объясняет всем: Этот человек пришел сюда и начал трогать экспонат: скелет трогать нельзя. Когда его трогают, я становлюсь злой, кусаюсь, царапаюсь и кости ломаю. Видите, как ноги изодраны...

— А выше пояса? — Выше пояса никаких повреждений нет. Но я показать вам это не могу. Из этических соображений...

К счастью, не возникает сомнений, что труп — муляж.

Основная экспозиция, кажется, осталась без изменений. Можно увидеть стеклянные протезы глаз, посмертную маску Суворова, органы в банках и другие прелести. Отдельная витрина — это длинный список фамилий и фотографии. Сотрудники Военно-медицинской академии, репрессированные в 1937 — 1938 годах...

В другом зале — те самые оптические иллюзии. На большом экране показываются всякие точки, за которыми надо следить, всякие прямые линии, которые кажутся изогнутыми, — словом, все, чтобы обмануть свой бедный мозг. В отдельном закутке — программа «Смотри в оба»: тут проверяют цветоощущение и другие параметры зрения. Можно узнать, например, что ты дальтоник или еще кто-нибудь.

Не пугайтесь, на прожекторском столе — муляж.

Постоянная экспозиция музея без зрителей не останется.

Полярное сияние и босанова

В МУЗЕЕ Арктики и Антарктики тоже идет изрядно народу, но турникеты позволяют всем проходить свободно. Экскурсоводы, перебивая друг друга, ведут свои группы по разным маршрутам. В общем-то тут мы не замечаем больших перемен по сравнению с обычной дневной жизнью музея.

Цвета и света тут предостаточно, правда, главный цвет — это ослепительно белое сверкание полярных льдов. Еще здесь можно посмотреть на колоритные диорамы природы тундры или арктической пустыни, сравнить цвет летней и зимней шубки горностая или (как говорят) полюбоваться на полярное сияние.

Обещают еще и выступление танцевальной ансамбля народов Крайнего Севера, но нас тянет все дальше.

В Летнем саду, среди белоснежных статуй, декламируют Велимира Хлебникова. В Артиллерийском музее, как обычно, сшибаются в конной схватке рыцари и постреливают из винтовок солдаты Первой мировой.

В Ботаническом саду под сенью сверкающей разными цветами телешанги стоят разноцветные светодиодные конструкции. Под открытым небом играет чудесный джаз и босанову группа «AFT-Rio». Слышаешь их, и кажется, что за спиной не гранитные набережные и холодные воды Невы, а теплый песок Ипанемы и шелест каждой Атлантики.

В оранжереи ведет огромная, медленно двигающаяся очередь, и в ней вы обречены оставаться еще долго: оранжерейные дорожки узкие, и по ним можно двигаться только гуськом и очень медленно. С непривычки душно и тяжело. От настоящей тропической обстановки устаешь, и хочется наружу — на прохладный петербургский воздух и чтобы босанова звучала до самого утра. Пока не кончится эта ночь...

Все правила борьбы за новый быт

Разночинный Петербург ругался, танцевал и читал стихи.

НАЧАТЬ путешествие мы хотели с Планетария, но знакомый вовремя предупредил: «Я только что оттуда, проехал на велосипеде мимо 500-метровой очереди!» И мы отправились в музей «Разночинный Петербург» в Большом Казачьем переулке. Тут постоянно придумывают что-нибудь необыкновенное. То «пространственно-временной туннель» в музейном дворе проложат, то разночинные пляски устроят. На этот раз музей и вовсе превзошел сам себя.

Во дворе у входа творится что-то невообразимое. Энергичная дамочка в стеганом халате и бигуди стирает белье в тазике на табуретке, ловко управляясь со стиральной доской. Рядом кипит коммунальная перебранка. Не обращая на нее никакого внимания, нарядная барышня и кавалер беспечно танцуют фокстрот. Рядом разгуливают десятки девушек и мужчин в нарядах 1950-х. Наконец удается определить, откуда они взялись. В сторонке, у стеллажей со старыми утюгами и кастрюлями стоит длинная стойка с одеждой минувших десятилетий. Каждый может переодеться и почувствовать себя современным Маяковского или Бродского. И стать неотличимым от артистов, которые представляют в музейном дворе спектакль про барышню и хулигана и разыгрывают сценки из «нового быта».

— Пойдем во второй двор, там тоже интересно! — уговаривает девушка свою подружку.

Мы и не знали, что есть еще и второй двор! Он после шума борьбы за новый быт кажется тихим, хотя и тут многолюдно. Пара друзей раздумыва-

ет над гигантской шахматной доской с прозрачными фигурами. Вдоль длинного стола дети рисуют красками по воде, налитой в металлические формы. На только что созданную на поверхности воды картинку девочка лет пяти осторожно опускает чистый лист бумаги. И — чудо! Рисунок становится вечным.

Отправляемся внутрь здания. Тут тоже полно посетителей. Они разглядывают витрины с фотографиями и предметами времен Достоевского, слушают аудиозаписи. История Семеновского плаца, первых петербургских трамваев, учебных и медицинских заведений — интереснейший материал собран в музее «Разночинный Петербург». Обязательно придем сюда еще!

Звезду Александру Васильевичу!

ГОВОРЯТ, что в ночном музее посетители вряд ли могут приобрести новые знания и расширить свой кругозор. Скорее, это акция, которая дарит музеям возможности заявить о себе, а посетителям — ощущение праздника.

Но многие музеи в этом году показали, что можно выполнить обе задачи. Сотрудники Музея Суворова организовали для посетителей экскурсии по всем залам особняка. И такие интересные, что никто, несмотря на глубокую ночь, даже не думает зевать. Удивительно наблюдать, как сотни людей, заполнившие залы, самостоятельно разбиваются на группы, выбрав понравившегося экскурсовода, и следуют за ним из зала в зал, осторожно обходя встречные потоки и боясь упустить хоть слово.

— Суворов был удивительно добрым человеком и высоко ценил человеческую жизнь, — торжественно заявляет наш экскурсовод. — Известны случаи, когда он, узнав о поиманном шпионе, не казнил его, а просто распорядился выгнать из города.

— Великий человек велик во всем, даже в своей доброте! — восторженно шепчет на ухо своему спутнику женщина в шляпке.

Тем временем в центральном зале музея раздаются звуки духовых инструментов. Начинается бал! Музыканты Западного военного округа в старинных военных мундирах играют мазурку, вальс, менуэт. Экскурсанты, поборов своих экскурсоводов, стекаются в зал на звуки прекрасной музыки. Переодетые в балные платья артисты и настоящие кадеты в форме приглашают детей и взрослых на танец. Одни вальсируют блестяще, другие совсем неумело, но аплодисменты достаются всем. Музей Суворова впервые участвует в «Ночи музеев», но получается у него так здорово, что в это даже не верится.

Военный оркестр приглашает на бал!

Федор ДУБШАН и Оксана ЕРМОШИНА, фото авторов и Наталья ЧАЙКИ

«Пушкинская 10»: стихи на стенах, танцы на лестнице

ГОВОРЯТ, что свою песню «Вавилон» Борис Гребенщиков посвятил знаменитому дому №10 по Пушкинской улице, ставшему когда-то центром свободной альтернативной культуры Петербурга. Там нашли себе место многие художники, скульпторы, музыканты, поэты. И что бы вокруг ни происходило, всегда этот дом стоически выдерживал натиск внешних катаклизмов, оставаясь не только для петербуржцев, но и для всей страны чем-то вроде исследовательского института, задача которого — не просто передовые подходы к искусству, но и освобождение мира от всего наносного, свойственного мейнстриму.

Я могу утверждать всего две вещи: Пушкинская и меняется, и не меняется одновременно. Два часа ночи. Народ валит валом, очередь на вход растет и толстует. И как всегда здесь водилось, зазвенели гитарные струны, а кто-то, подражая манере исполнения Виктора Цоя, затыкнул «Пачку сигарет». Что ж, где одна гитара — там и три, значит, началось.

Попав внутрь, я в очередной раз задумался о том, насколько верен образ Вавилона: по лестнице, кто вверх, кто вниз, цокая каблуками, шаркая кедами, топали и ругаемые частью мною за бесцерберность 1990-х годов рождения, и более старшие поколения. Добравшись до верхней площадки, все как один примолкли, изучая легендарную стену, всю исписанную стихами. Одна пожилая англоговорящая пара подошла ко мне, чтобы удивленно поинтересоваться, только ли в Петербурге люди настолько культурны, что на стенах вместо ругательств пишут стихи. Я ответил, что это место — последний форпост, а уже на Лиговке пишут не только на стенах и отнюдь не стихи. Покивав в ответ, они принялись спускаться вниз, обсуждая, хоть и с сильным английским акцентом, но все же на русском, что в этой стране ничего никогда не изменится.

Достаточно насмотревшись на галереи и их содержимое, будь то мудреные инсталляции или банальные холсты, я открыто почувствовал себя обреченным, войдя в очередную грязно-белый зал и увидев, что его стены покрывают все те же полотна. Посетители с культурными минами культурно впитывали в себя дух маленького места. Но в какой-то момент что-то произошло. Да, появилась музыка. Что-то прозрачное и простое. Из магнитофона в углу звучал неплохой чил-аут. А в следующий момент я увидел этих двоих. Парень в клетчатой рубашке и очень хрупкая девушка сплелись в одно целое, закутились в танце, гневно разорвали объятия и снова заскользили, чтобы сплестись пальцами на доли секунды. Пластика и энергия рассказывали объективнее смартфон и фотоаппарат историю любви, историю страсти. Немного перформанса про оконую жизнь.

— Это полная импровизация, — улыбается парень, актер театра «Объно Dance Open» Виталий Ким, переводя дыхание, когда мы уже вышли на лестничную площадку. — Мы с Оксанкой так и живем, просто момент ловим. За эту ночь мы уже сделали семь перформансов, все разные.

— Было внезапно: стоит молодая пара, и вдруг — пошло-поехало! Диалог, воспроизведенный в пластике тела...

— А так и должно быть! Это не театр, где есть сцена...

— Энергетика толпы — она абсолютно разная, она непредсказуемая, зритель в ситуации перформанса вынужден тоже отдавать, и энергетика всегда разная: от восхищения до порицания, — вступает в разговор актриса Оксана Ковалева. — На предыдущем выходе, танцая и описывая круги около одной молодой пары, я зажала их в угол. Они стояли растерянные, не понимая, как им дальше действовать. Девушка спросила: «А что мы сейчас должны чувствовать?» Театрально пожав плечами, я удалилась...

Евгений Ренца и Александр Шифтер сочетают электронную основу, спецэффекты, гитару и вокал.

— В чем же цель перформанса?

— Она очень простая: вызвать неподготовленного свидетеля событий на взаимодействие, — улыбается «клетчатый». — Многие ведь не жаждут делиться своей невербальной информацией, как-то проявлять себя — этаким синдромом метрополитена, — но мы ищем подход, чувствуем тех, кто готов раскрыться, и двигаемся на это тепло.

...Лестничные пролеты накрыло плотной волной звука, переливающегося в десятках акустических отражений, а сильная доля ритм-секции с рокочущим подгруженным синтетическим басом прикончила равномерное хождение любителей ступающих с этажа на этаж. На площадке окруженные плотным кольцом зрителей два парня творили волшебство — они здесь и сейчас умудрились сыграть то, чего мне не хватало последний месяц: что-то новое. Писать о музыке, описывать ее, а тем более сравнивать с конкретными произведениями — дело благодарное, кто-нибудь да обидится. Желание слушать еще — вот что является мерилком удачного выступления.

Проект Евгения Ренца (программирование, семплы, клавиши, вокал) и Александра Шифтера (гитара) оказался тем самым самородком, который нашелся на старом добром приiske: сочетая электронную основу, спецэффекты, пространственно звучащую гитару и импulsiveвокал, но между тем выдержанный вокал, ребята сделали что-то, что апеллирует и к любителям электроники, и к поклонникам гитарной музыки.

— Концепция проста, — говорит Жена. — Отмести все культурные и субкультурные наслоения, ведь по сути сейчас все эти идеи ничего собой не представляют: их эксплуатация с целью получения прибыли исчерпала все без остатка. Остался последний вариант: быть более открытыми друг другу, взаимодействовать, а не отстаивать догмы прошлого века. Быть открытым, живым. Других путей нет и не будет.

Алексей БЛАХНОВ, фото автора